

«Таленька, я люблю в тебе маму — ты от нее много взяла и сама этого не замечаешь. Я люблю в тебе, что ты русская. Что ближе тебя у меня на земле никого нет».

(Из письма В. Шукшина сестре Наталье Макаровне. 1961 год.)

Своим словам Шукшин был верен до конца дней. 10 июля 2005 года этот дорогой и самый близкий человек ушел из жизни.

16 ноября 2021 года сестре исполнилось бы девяносто, а письму, в котором брат высказывает сокровенные мысли, — шестьдесят лет.

Горечь утрат, к сожалению, с годами не утихает, а становится все более осмысленной и постоянной.

«Хвостик № 1», как звал ее в детстве старший брат, выросла, расцвела, поступила в Новосибирский педагогический институт на физико-математическое отделение, чем очень удивила брата.

В письме из армии Шукшин писал: «Не представляю, как ты ворочаешь эту махину». (Имея в виду математику.) А позднее, узнав, что сестра пишет стихи, просит немедленно выслать ему несколько штук: «Сгораю от нетерпения прочитать их». Он не подозревал в сестре таких способностей и рад этому вдвойне.

Действительно, профессионально занимаясь математикой всю свою жизнь, Наталья Макаровна владела русским языком в совершенстве, в том числе — народным. Это унаследовано, видимо, как и Василием Макаровичем, от матери, от родственников и вообще людей того поколения. Подтверждением тому являются ее письма матери, брату, поздравительные открытки работникам музея, выступления перед разными аудиториями: детьми (всех возрастов), родственниками, педагогами, учеными-шукшиноведами.

Приведу один отрывок из ее воспоминаний о брате:

«Однажды летом, на второй день после приезда, в предрасветный час, Вася тихонько вышел на улицу, стукнула калитка, я — к окну.

Он прошел мимо, по направлению к горе Пикет. Я почему-то всегда боялась за него, уж больно был он рискованным. Я разбудила маму. Она вначале хотела крикнуть: «Куда пошел?», — но я говорю: «Ты сейчас крикнешь здесь, а на другом конце села будет слышно. Пойдем за ним». Он идет вразвалочку, а мы, две заполошные, пуганные вороны, трусим за ним на небольшом расстоянии.

Был четвертый час утра. Село уже приготовилось умыться в серебре росы, отбеливалось, перекликались во дворах петухи, как будто соревновались, кто из них споет громче и заливистей...

...Он предложил нам подняться выше и вместе встретить рассвет. Останавливался, сладостно причмокивал, поднимал руки вверх и в стороны, как будто накачивал себя воздухом, который, как он сам выражался, можно черпать баннным ковшом и пить до опьянения. А нам было и невдомек, что природа, бирюзовый рассвет в родных местах помогали ему в работе, он как будто заряжался, а эта гора Пикет была его стартовой площадкой. Не думал, конечно, что она будет для него и финишной...»

Так уж выпало на долю Натальи Макаровны — не только повторить судьбу матери в личной жизни (овдовела в тридцать лет,

в день своего рождения), но и принять эстафету памяти по своему брату после ухода из жизни Марии Сергеевны. И долгие годы (с 1979 по 2004) несла этот тяжкий крест, пропуская всё через свое сердце.

Именно так она выразилась однажды в разговоре со мной по поводу очередных Шукшинских чтений, которые многими людьми воспринимаются как праздник: «А для меня, — говорила Наталья Макаровна, — это всё вот здесь». И показывала при этом на свое сердце, которое не выдержало такой тяжести и остановилось 10 июля 2005 года. А уходить из жизни она не хотела, «не была готова», по ее словам.

Были планы, задумки, часть из которых по ее инициативе были проведены, а многие остались неосуществленными.

Так, состоялась встреча педагогов, учивших В.М. Шукшина в вечерней школе и работавших потом вместе с ним в 1953-54 годах в Сростинской средней школе. На эту встречу в октябрьские дни 1994 года приехали Ковязина Зинаида Ивановна, математик, принимавшая у него экзамен (жена физика Гекмана Александра Ивановича, прототипа рассказа Шукшина «Упорный»); Белякова Зоя Васильевна, литератор; Лобысевич Людмила Алексеевна, историк; Клавдия Михайловна Зяблицкая, учитель русского языка и литературы, и Чернышова Мария Ефимовна, инструктор райкома партии, а потом завуч школы, одна из тех, кто давал рекомендацию Василию Макаровичу в кандидаты партии в 1954 году.

Хотелось Наталье Макаровне не только услышать слова о брате, но и отблагодарить людей, которые «дали путевку в жизнь», по ее словам, имея в виду аттестат зрелости, благодаря которому он совершил «прыжок», поступив во ВГИК. «Именно "прыжок"», — повторила она тогда несколько раз.

Всегда безотказно встречалась Наталья Макаровна с детскими аудиториями, несмотря на занятость и состояние здоровья. Встречи эти были иногда вовсе не запланированы во время ее приездов в родное село и пребывания в музее (старой школе, где учились они с братом, а позднее она работала учителем математики).

Вот об этом периоде работы Натальи Макаровны в Сростинской средней школе хочется сказать особо, устами ее учеников.

Бывшая ученица Галя Штабель (Теперь Галина Романовна Гвоздѣва, экскурсовод Дома Матери ВММЗ В. М. Шукшина) вспоминает:

«Наталья Макаровна была моим классным руководителем с 5 по 7 классы. С сентября 1967 по май 1970 года.

Удивительно чуткий человек с задумчивыми глазами и чуть-чуть прикушенной губой. Различные мероприятия с ее участием становились интересней, потому что она, не повышая голоса, одним видом умела утихомирить беспокойных учеников. Добавляла какие-то стихотворные строчки для сценариев, может быть, даже ею написанные. (Этот факт не вызывает никаких сомнений. — *Авт.*)

Помню частушки на школьную тему:

Завели Вове пружину,
Он и тянет, как двужильный.
Он туда и он сюда,
А на деле — никуда!
Ходики-ходики,
Замотался, родненький.

Наталья Макаровна с улыбкой наблюдала, как мы спорим о качестве исполнения песни на КВН между мальчиками и девочками в классе.

Однажды мне было поручено ею подготовить и прочитать наизусть рассказ о птицах «Навсегда улетели, навсегда». Я его выучила, но когда рассказывала, страшно волновалась и забывала каждое слово. Наталья Макаровна была тогда, по сути, моим дублером. Стоя за сценой в старой школе (теперь это главное здание музея), она говорила предложение, а я повторяла за ней. Так вместе и рассказали.

Одним из самых прекрасных воспоминаний осталась встреча рассвета на речке Федуловке. В 1970 году Наталья Макаровна уезжает жить в Бийск... Она устраивает нам поход на речку Федуловку с ухой из щук, наловленных одноклассниками. Мы сидели у костра, пели песни, было много разговоров, шуток, игр...

А потом мы увидели, как всходит солнце: огромный ярко-оранжевый шар медленно появлялся на небосводе...

В этом же 1970 году, летом, я в составе группы сrostинских учеников была в Москве целых семь дней. Я думаю, что в состав группы меня включили тоже с подачи Натальи Макаровны.

Эта поездка — одно из самых приятных воспоминаний моей жизни. Столько впечатлений для деревенской девочки не прошли даром...

Я увидела сон: на самом краю нашего села в сторону Горно-Алтайска стоял храм Василия Блаженного, весь пронизанный яркими теплыми лучами солнца...»

Уроки, как видите, жизненные, человеческие, умение видеть прекрасное не прошли бесследно, остались в памяти учеников на всю жизнь.

А вот воспоминание еще одной ученицы — Нади Каменевой (теперь Надежда Васильевна Князева, много лет возглавляла библиотеку имени В. М. Шукшина в Сростках):

«Наталья Макаровна пришла к нам в седьмом классе. Это был 1964 год. Она вела математику и была классным руководителем. Она сразу нам всем понравилась: красивая, обаятельная, милая молодая женщина. Как учитель была замечательная, объясняла доступно, старалась, чтобы до каждого дошло. Очень эмоциональная, не так, как другие, лишь бы рассказать...

Относилась к нам ко всем одинаково, никого не выделяла, справедливая. Мы все ее очень любили. У меня с математикой не очень было. Я экзамен на тройку сдала, а впереди меня сидела подруга, которая хорошо разбиралась, так Наталья Макаровна после экзамена сказала ей: «Ну, ты что, не могла дать Каменевой списать? У нее бы тоже четверка в аттестате была, а то одна тройка всё портит».

Душой болела за каждого ученика. Двоих мальчиков, которые жили в интернате, она поселила на квартиру к Марии Сергеевне (матери), чтобы они могли лучше готовиться к экзаменам.

Еще некоторые моменты запомнились. Один раз к нам на классный час приходил Василий Макарович, и мы с раскрытыми ртами слушали его о съемках в кино, о работе режиссера. Это было уже в восьмом классе. Потом он с нами на выпускном вечере ходил на гору. Поднялись от кладбища, прошли через всю гору

к Катуни, над Бакланью. Там пели песни, играли, веселились, и он с нами, и Наталья Макаровна во всех играх принимали участие. А потом он нас всех до дому проводил, каждого.

Тогда же пообещал показать, как делают фильм. Потом, в конце июня, а может, в начале июля за нами пришел автобус киностудии имени Горького, мы сели и поехали в Манжерок, где снимался фильм «Ваш сын и брат». Жили в палатке на берегу Катуни, а съемочная группа — в школе. Целую неделю мы наблюдали за съемками. К нам часто приходил актер Ванин, тогда еще молодой и сильный. Василий Макарович тоже бывал, снабжал нас продуктами...

Я до сих пор это всё помню. Здорово! На всю жизнь.

После школы мы часто встречались с Натальей Макаровой, она всегда расспрашивала о жизни, о работе, о детях... Очень душевный человек».

Это могут подтверждать без конца все ученики Натальи Макаровой: ее душевную щедрость, обаяние, простоту и прекрасное знание своего дела. То, что она была талантливым педагогом и математиком, — бесспорно.

Зная Наталью Макаровну пятнадцать лет, могу сказать, что она очень бережно хранила память о безвременно ушедшем брате, да и мать ушла из жизни рано, на семидесятом году.

Сердцем переживала каждую публикацию, книгу о своих близких людях, произведения художников и скульпторов. Много из того душа сестры и дочери не принимала. Не могла смириться, что художники часто изображают мать очень старой, как ей казалось, и она повторяла при этом, глядя на очередное творение: «Мама никогда не была старой! Почему этого не могут понять!?» В ее голосе при этом слышалось сильное, едва сдерживаемое возмущение, горечь, обида, одним словом, это был крик души, который, к сожалению, не все слышали.

Не могу сказать, что на протяжении всех лет мы были с Натальей Макаровой в очень близких отношениях. Нет. Конечно, нет. Дистанция соблюдалась всегда. Но были моменты доверительного общения и даже довольно откровенные разговоры о жизни семьи, о последних днях жизни матери, то есть о том,

что касалось памяти брата. При этом она никогда не опускалась до «бытовухи», даже рассказывая о житейских трудностях.

Помню, как больно ранила Наталью Макаровну книга покойной ныне Т. Пономарёвой «Потаенная любовь Шукшина». В которой не только много фактических ошибок, но еще и своих собственных домыслов, высказанных от имени Шукшина, вольного пересказа его цитат и так далее.

Наталья Макаровна написала тогда открытое письмо автору книги под заголовком «У правды есть глаза». Это письмо было опубликовано в газете «Советская Россия». Черновой вариант она прочитала мне по телефону с просьбой поправить, если это нужно, и сомневалась в постановке знаков препинания в двух-трех случаях, не более. Но исправлять что-либо в тексте, поверьте, не пришлось, грешно и не имело смысла. Настолько четко, образно и емко были выражены чувства, что любой опытный литератор и журналист могут только позавидовать.

Родную сестру нашего всемирно известного земляка приглашали на многие мероприятия, связанные с жизнью и творчеством Василия Макаровича, на открытия памятников в честь него...

Так было в далеком 1989-м, накануне юбилейных Шукшинских чтений. В книге архитектора Сергея Боженко (одного из создателей памятника Шукшину в краевой столице вместе со скульпторами Василием Рублёвым, Михаилом Кульгачевым и Николаем Звонковым) «Достучаться до совести, или как это было в Барнауле» есть такие строки:

«...Из Бийска приехала Наталья Макаровна Зиновьева. В светлом нарядном платье, сережках и бусах сестра знаменитого земляка выглядела земной женщиной. Зато золотящийся в солнечных лучах пышный нимб седых волос навевал мысли о небожителях. Короче, она была самой почетной гостьей на нашем празднике...

Наталья Макаровна выступила кратко:

— Дорогие мои... Не могу найти слов, чтобы выразить мою вам благодарность... Низкий вам поклон...

...Я думал о том, что сбылось всё, что могло сбыться. Почему это оказалось возможным? Неужели потому, что однажды никому не ведомый Шукшин достучался до чужой совести?

А рядом, во плоти, сидела сестра знаменитого земляка. Родная кровь! Оказывается, мы живем в одно время. Но совершенно в разных мирах. Наталья Макаровна говорила мало. Видимо, устала от внимания чужих людей. На расспросы отвечать не спешила. По поводу скульптуры повторяла тихим грудным голосом:

— Узнаю Васины руки...»

(Уместно добавить, что скульптурные образы брата, выполненные группой с участием Звонкова, Наталья Макаровна считала самыми удачными, по крайней мере, ее душа принимала эти работы.)

Тяжело переживала родная сестра установку памятника Шукшину на горе, где проводятся Шукшинские чтения.

Переговоры и тяжбы по этому поводу были долгими, вариантов мест для памятника было тоже несколько, но автор — скульптор В. Клыков — настоял на своем.

Почему Наталья Макаровна была против этого места, объясню так, как сказала мне она сама. Вспомните, ведь и на открытие памятника тогда, в 2004 году, она не приехала, не принимала никакого участия в Шукшинских днях... Молча переживала.

Спустя какое-то время я позвонила Н.М. Зиновьевой и пригласила на очередное мероприятие в музей. Обычно она соглашалась, иногда только надо было поменять время. В тот раз она сразу отказалась, сославшись на плохое самочувствие, а потом, немного подумав, добавила:

— Не буду врать. Скажу так, как есть на самом деле.

Ноги моей больше не будет на чтениях и вообще в Сростках, пока памятник стоит на горе. Зачем его подняли и закрыли от людей? Ведь он с людьми должен быть. Зачем ему эта высота? Он уже на такой высоте, на которую нам не подняться...

С любой точки села, с любого места я его вижу. Это невыносимо. Мое сердце просто этого не выдержит.

И не выдержало... Остановилось накануне очередных чтений 2005 года.

А памятник стоит, люди идут к нему, только вот железные конструкции для сцены и почетных гостей перед ним выглядят действительно, как решетки. Боялась этого сестра, не хотела...

Помнится, еще в конце восьмидесятых — начале девяностых важные гости сидели вместе со всеми на траве, выходили на сцену и садились на деревянные лавки. Не так уж и давно, но, видимо, безвозвратно. Жаль. Забываем слова Шукшина: «Надо оставаться с людьми, даже если в землю зароят».

Хочется привести строки поздравительных открыток работникам музея, в которых слышится живой голос Натальи Макаровны.

В новогоднем поздравлении с 2000 годом она пишет:

«Спасибо вам, что вы есть, что ваш творческий успех услышан и огромной волной докатился до центра — Москвы...»

В канун 2001 года в музей приходит открытка такого содержания:

«...Я поздравляю весь коллектив музея (родного) с тремя лицами Наступающего Нового года: он распахнул двери 2001 году, Новому веку и Новому тысячелетию...»

А вот строчки весенних поздравлений:

«От всего сердца (пусть даже тронутого) я поздравляю вас с приходом самого трепетного времени — Весны!

Солнце дарит тепло, оживает природа, это самое время больше улыбаться, смеяться, всегда быть при хорошем настроении, даже когда посеянные на рассаду семена почему-то не всходят...»

Или такое:

«Милые женщины!

Труженики Святыни!

От всей души поздравляю вас с прекрасным праздником — Весной!

Очень прошу голубушку-Весну, чтобы она принесла вам всем только здоровье, чтобы приход этого изумительного времени года осчастливил вас и подарил вам Цветы, Улыбки и всё то прекрасное, что есть на Земле...»

Еще на одной открытке, где изображены весенние цветы, Наталья Макаровна высказала свои сокровенные мысли:

«Женщины, на открытке, по-моему, кукушкины слезки, любимый цветок моего детства, он (этот цветок) занесен в Красную книгу (а может, это анютины глазки), и у меня выразилась эта прелесть в четверостишие:

На открытке, похоже, кукушкины слёзки,
А может, не слёзки — просто прелесть-цветок...
Всколыхнули мне память поля и берёзки,
Захотелось испить с них росы бы глоток».

Эти слова — подтверждение многому: душе щедрой, таланту недюжинному, знанию родного языка и умению говорить умно, красиво, точно и образно.

Приведу (позволю это сделать, не привести нельзя) еще одно послание:

«Дорогие мои Служители духовного святилища!

Поздравляю вас с наступающим Новым годом и Рождеством Христовым!

Желаю Здоровья, Терпения, успехов в работе. Ой, как хочется, чтобы Дедушка Мороз привез вам каждому в своем мешке 360 везучих дней, чтобы искрились ваши глаза от счастья, чтобы невзгоды (если они все-таки появятся в везучих днях), преодолелись легко, безболезненно.

Пусть охраняют вас Ангелы и с их помощью сбудутся ваши сокровенные мечты, и чтобы каждый прожитой день был бы в радость».

Так душевно и сердечно нас больше никто не поздравлял...

Почти на каждой открытке она подписывалась и от себя лично, и от всей семьи, а на этой подписала так:

«С искренним к вам уважением Зиновьева Нат. Мак.

К моему поздравлению присоединяются Надя и Сергей».

Вот и я сейчас хочу передать слово о матери ее детям Сергею и Надежде, родным племянникам В. М. Шукшина, его любимым крестникам.

Вспоминает родная дочь Натальи Макаровны Надежда Александровна Мясникова:

«О маме можно рассказывать много и долго. Человек с разносторонними интересами, под стать своему брату, в совершенстве владея словом, безусловно, была творческой натурой.

Она была истинно женщиной, и эмоции захлестывали ее.

Если горе — то через сердце, с глубокими шрамами на всю оставшуюся жизнь, если радость, то до детского хлопанья в ладоши и приплясывания.

Умела в любой ситуации оставаться сама собой, с чувством юмора, оптимизмом, добродушием...

А смыслом ее жизни была преподавательская работа. Она обожала свою математику, любила детей, и было огромное желание вложить, донести свои знания до каждого ученика. К своим урокам относилась не формально, а основательно. Из года в год аккуратно, своим красивым объемным почерком писала планы, делала какие-то заготовки, обыгрывала сложный материал.

С улыбкой и большой благодарностью вспоминаю, как она играючи учила мою дочь (свою внучку Лену) грамоте, будучи сама очень грамотным человеком. По сборнику диктантов под диктовку внучки она писала диктант, намеренно делая множество ошибок. Лена исправляла их и по-учительски строго ставила отметку (понятно, не выше тройки). Бабушка, сделав большие глаза, недоумевала и спрашивала, что за правила нужно было применить, а Лена поучительно, с удовольствием ей их рассказывала. Потом было всё наоборот, и бабушка, счастливая, ставила внучке пятерку.

Наверное, поэтому с грамотой у моей дочери большие «лады», и правила она помнит до сих пор. Но каково же было мое удивление, когда, вспоминая о маме, я напомнила Лене об этих диктантах, а она, оказывается, даже не подозревала, что бабушка лукавила».

То, что Наталья Макаровна была настоящим педагогом, подтверждает факт, о котором поведала ее коллега по техникуму, где последние годы они работали вместе. Однажды девочка из группы Н. М. Зиновьевой пропустила несколько дней учебы. Наталья Макаровна села на автобус, поехала в село, где жила студентка (а это 70 километров от города Бийска), нашла ее, убедила вернуться на учебу. Приехали вместе, за что девчонка была благодарна, а преподаватели до сих пор удивляются и помнят об этом.

В том далеком письме 1961 года к сестре Шукшин выскажет мысль:

«Мы все где-то ищем спасения. Твое спасение в детях».

Письмо написано по конкретному поводу, и речь идет о детях Натальи Макаровны, но слова эти оказались пророческими, как и многие другие. Сестра всю жизнь работала с детьми, любила их, помогала становиться порядочными и умными людьми, и они платили ей взаимной любовью и благодарной памятью.